

Водясова Л. П.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева», Саранск

**Формирование языковой цельности текста
в современных мордовских языках¹**

**The formation of the linguistic integrity of the text
in modern mordovian languages**

УДК 811.511.152'367

Аннотация. В статье раскрывается специфика языковой цельности как одного из основных способов реализации связности текста в мордовских языках, выявляются способы, на основании которых происходит его формирование.

Summary. Article disclosed specifics of linguistic integrity as one of the main ways to implement cohesion of the text in the Mordovian languages, identifies ways in which occurs the formation.

Ключевые слова: текст, связность, языковая цельность, способы формирования цельности.

Keywords: text, cohesion, linguistic integrity, ways of shaping integrity.

В настоящее время общепризнанным в российской и зарубежной лингвистике является выход за пределы отдельного предложения и сосредоточение внимания на анализе текстовых единиц и текста как целого речевого произведения. Этот аспект исследования актуален и поддерживается потребностями различных областей современной науки как собственно лингвистики, так и прикладных отраслей языкознания, а также педагогики, литературоведения, логики. И это совершенно справедливо, так как именно текст выполняет особую (по сравнению с другими единицами языка), только ему присущую функцию: обеспечение коммуникации в процессе жизнедеятельности людей.

На сегодняшний день текст имеет свыше трехсот определений, каждое из которых связано с различными аспектами его анализа, целями и задачами изучения. Наряду с этим, учеными признается, что тексту невозможно однозначно предписать структурный статус. Его описание нуждается в системном, вместе с тем инвариантном определении. Поэтому, на наш взгляд, совершенно справедливым является мнение Г. А. Ушакова о том, что «при определении понятия «текст» следует исходить из признаков, присущих всем текстам», так как «несмотря на своеобразие и индивидуальность любого хорошо составленного текста, в его организации есть нечто структурно общее, отражающее некоторые закономерности» [19, 21]. Однако в современной научной литературе, «как ни разнообразна картина лингвистических штудий, посвященных проблеме текста, по одному вопросу наблюдается в ней абсолютное единство: не возникает сомнений в том, что текст не мыслим вне связности» [12, 50], ибо «назначение сообщения состоит в том, чтобы через установление связей между явлениями <...> передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определенным действиям» [11, 65].

Поскольку основной функцией текста является передача и хранение информации (содержательно-фактуальной или содержательно-концептуальной), связность подразумевается, прежде всего, смысловая. Она проявляется в единстве темы и осуществляется с помощью таких средств, как склонение, лицо, время, наклонение, типы предложений по целеустановке высказывания, синтаксический параллелизм, порядок слов, неполнота (эллипсис) предложе-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и Правительства Республики Мордовия («Лексические и грамматические средства создания связности текста в мордовских языках»), проект № 11-14-13006а/В.

ний и т. д. Повторяемость ключевых слов, тождество референции, ситуативные связи – все это обеспечивает единство темы. Характер и тип связности не одинаковы в текстах разной коммуникативной заданности (например, текстах-информациях, сводах правил, научных текстах, художественных и публицистических текстах и т. д.). Сложнее и богаче они представлены в текстах художественных произведений, в которых функция сообщения синтезируется с функцией эстетического воздействия на читателя. А это требует от писателя внимательного и вдумчивого отношения к отбору языковых средств, чтобы преобразовать их в образно-эмоциональные и выразить свою прагматическую установку.

Одним из основных способов реализации связности текста является языковая цельность. Она предполагает внутреннюю законченность, смысловое единство текста.

Предлагаемая читателю информация раскрывается в соответствии с авторским замыслом, который определяется ситуацией общения, характером коммуникативной задачи. Этим замыслом обусловлены и отбор фактов, явлений при передаче сообщения, и последовательность их изложения, и приемы оценки, комментирования, обобщения высказанного и т. п.

Формирование цельности текста осуществляется за счет единообразия использованных в нем языковых средств разных уровней и категорий. В мордовских (мокшанском, эрзянском) языках к основным вариантам относятся следующие случаи:

1. Синтаксическое единство. В единицах синтаксиса в наибольшей степени проявляется процесс отражения внеязыкового содержания. И это объяснимо, так как именно «синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и с процессом коммуникации: единицы других уровней участвуют в формировании мысли и коммуникативном ее выражении только через синтаксис» [9]. Смысл возникает в результате связи конкретных значений, содержащихся, по крайней мере, в двух предложениях, следующих одно за другим в процессе изложения мысли. Они образуют «наименьшую коммуникативную единицу, законченную со стороны содержания и интонации и характеризующую грамматической и смысловой структурой» [13, 30]. Так, в текстах: м. *Чильф и гайф маряви одс строяф школать перьфканга. Тоса учителькс работай монь ялгазе Ковалев Гришкась. Тейнза тяни шабатне мярьгихть Григорий Парфенович* [7, 102] «Шум и гам слышится вокруг вновь отстроенной школы. Там учителем работает мой друг Ковалев Гришка. Его теперь дети зовут Григорий Парфенович»; э. *Иваж – покш цера. Телень перть венстявсь кенкшенть сэрсьэ, курокто карми совсеме кудыкелев, прянь комавтозь. Кезэрень пингева истятнэнь урьвакстнесть. Саильть экиезэст тевень теиця, шумбра, паро тейтерь. Ды нейгак оно Поза Микита урьвакстызе веженсь церанзо кемнилее иесэ* [1, 125] «Иваж (Иван) – большой парень. За зиму вытянулся ростом с дверь, скоро будет заходить в сени, нагнув голову. В прежние годы (букв.: в древние века) таких женили. Брали за них работающих, здоровых, хороших девушек. Да и теперь вон Поза Микита (букв.: Никита Квас) женил младшего сына в четырнадцать лет» – цельность достигается за счет использования простых по структуре предложений. Мысль, облаченная в синтаксически простую, немногословную форму таких конструкций, приобретает сжатость и весомость. В следующем тексте на эрзянском языке – фрагменте из стихотворения А. Арапова: *Вармась арсемам ракасы. / Сы майсема апак тердть. / Мекс а аштеван таркасом? / Мекс а удан мон веньперть? / Мекс тей-тов якан кудованть? / Кие мон ды мезекс мон?* [2,73] «Ветер мысли [мои] обсмеет. / Приходит незванное страдание. / Почему мне не сидится на месте? / Почему не сплю всю ночь? / Почему взад-вперед хожу по дому? / Кто я и для чего я?» – цельность обеспечивается за счет использования повторяющихся риторических вопросов, которые служат для повышения накала произведения. Благодаря особой экспрессивности, переходящей в восклицания, они выражают различные сильные эмоции – возмущение, негодование, горечь и т. п.

У многих авторов имеются свои синтаксические привязанности. Это не значит, что они не используются другими. Однако эти конструкции, как кажется тому или иному автору, близки ему по внутреннему складу, психологическому настрою, творческим замыслам. Так, например, номинативные предложения употребляются многими писателями, но в произведениях одного из основоположников эрзя-мордовской литературы Петра Кириллова их насчи-

тывается десятки. Встречаются целые единицы текста, полностью состоящие из однотипных номинативных предложений, например, такое: *Сексень ков валдов чокшине. Велень ульця. Севонень кардот. Чочкот кардотнень ежова. Келей нусманя калть кардотнень вельксэ* [10, 19]. «Осенний лунный вечер. Деревенская улица. Глиняные дворы. Бревна близ дворов. Широкие печальные ивы над дворами». Мокшанский писатель Анатолий Тяпаев отдает предпочтение простым, коротким структурам, любит использовать неполные предложения с опущенным подлежащим или односоставные глагольные. В качестве примера приведем небольшой фрагмент из его повести: *Тядязе кулось, а алязень Салазгорьста кучезь роботама Зубунь райисполкому. Путозь финансовой отделонь вятникс. Кой-мъзяра пингта меле етафтозь Торбеевань району. Путозь исполкомонь оцюнякс. А тоста меки Зубовав. Касфтозь. Шять, афкукс тонадсь аф аньцек ярмаконь лувондама, а сядонга оцю тевоень вятма* [18, 31] «Мама [моя] умерла, а отца из Салазгоря послали работать в Зубовский райисполком. Поставили начальником финансового отдела. Через некоторое время перевели в Торбеевский район. Поставили во главе исполкома. А оттуда снова в Зубово. Повысили. Наверное, на самом деле научился не только деньги считать, но и более крупные дела делать».

2. Категориально-грамматическое единство. Г. А. Золотова указывает: «Смысловое значение предложения <...> предполагает выбор слов соответствующей категориальной семантики, что, в свою очередь, обуславливает и их взаимные роли, и способы их грамматического оформления» [8, 170]. Части речи выступают как структурно-синтаксические компоненты предложения, играющие ту или иную роль в передаче его смыслового значения: м. *Прохор ангорязе пряни, но ашезь абонда. Пувордазе алашанц и седть эзда аф ичкозе панезе мацяти* [18, 27] «Прохор почесал голову, но не растерялся. Повернул лошадь и недалеко от моста погнал [ее] вброд»; э. *Максим ертовсь ведентень. Кедьсэнзэ эрязасто ахолезь ды пильгесэнзэ чавозь, капшазевсь ваицянтень. Ды кенерсь <...>* [5, 69] «Максим бросился в воду. Быстро взмахивая руками и ударяя ногами, заторопился к утопающему. И успел <...>». Оба текста состоят из простых по структуре предложений. Все глагольные сказуемые в них выражены формами прошедшего времени. Ряд глаголов с таким значением всегда передает последовательно совершающиеся действия. Действия относятся к одному субъекту, поэтому входят в отношения однородности между собой. Текст синонимичен простому предложению, осложненному однородными сказуемыми.

3. Лексико-семантическое единство. Лексико-семантическое единство предполагает использование слов, относящихся к одному семантическому полю. Так, например, в тексте на мокшанском языке: *Войнада мелевок Келазьбулонь эряйхне исть лоткафтов Шкайти веромдамда. Синь сембе сяка озонкинести эсь кудосост, кстиндафнезь идьнон, венцяфнесть салава, заборендафнесть, якасть прищетьсь, тернесть священникть кулоф ломаньнон калмамсна* [17, 127]. «И после войны жители Келазьбуло не перестали верить в Бога. Они молились у себя дома, крестили детей, венчались тайком, соборовались, ходили к причастию, приглашали священников хоронить умерших» – все глаголы относятся к тематической группе сакрально-богослужебной лексики (часть из них – *Шкайти веромдамда* «верить в Бога», *якасть прищетьсь* «ходили к причастию» и *тернесть священникть* «приглашали священников» – в составе словосочетаний). В тексте на эрзянском языке: *Васня Пичай понгсь кувака кудыкелев. Ве енов каявсь, омбоцев – алов валгома кустемась а муеви. Валаня кияксонть ланга чиестэ, пильгензэ нолаштеть, ды сон прась. Окойники, эрjavиксэсь редявсь. Кува – кундамотнень ланга киякстозь, кува – чиезь, вадовокс каявсь алов. Халатонь кондямо оршамопелень петне мельганзо лыйнеть селмокс. Колмошка этажт истя ливтясь* [16, 6]. «Вначале Пичай попал в длинный коридор. В одну сторону бросился, в другую – лестница, ведущая вниз, никак не находится. Пробегая по гладкому полу, поскользнулся и упал. Наконец, нужное появилось. Где – катясь по перилам, где – бегом, ястребом кинулся вниз. Концы похужей на халат одежды развевались за ним словно крылья. Этажа три так летел» – все глаголы (кроме глагола *редявсь* «появилось, стало заметным») относятся к одному семантическому полю – к глаголам движения.

4. Лексико-грамматическое единство. Анализ лексических и грамматических категорий показывает, что разные разряды слов по-разному реализуются в процессе оформления содержания, так как даже в пределах каждой из основных частей речи можно выделить подклассы слов, не одинаково выражающих ее общее категориальное значение. Кроме того, многие значения единиц языка вообще могут быть раскрыты только благодаря их связи с другими единицами (контекстуально). Все это создает сложную и разнообразную структуру, которая, по мысли И. В. Арнольд, основана «на взаимодействии элементов текста между собой и со структурой целого» [3, 45]. Она выражается в закреплённости за словом определенного значения, которое, расширяясь в контексте, наполняется дополнительным содержанием (ингерентная и адгерентная коннотация); может быть результатом последовательного повторения одного слова, его формы или синонимов (концептуальная коннотация); может выражаться в нелокализованности, разлитости по всему тексту, когда дополнительным эмоционально-экспрессивным значением обладают не конкретные лексические единицы, а весь текст (текстообразующая коннотация). Так, например, Г. И. Батков определил, что эрзянский глагол *сермадомс* в составе словосочетания или предложения может иметь такие значения: *писать, вышивать, изложить, выступить в печати, написать, записать* [4, 60–61]. Наши наблюдения показали, что в тексте его семантика расширяется, у него появляются новые значения – *вступить: Пурнавсь велес пакшань отряд. Ней Маря тозоньгак эзь пеле прязо сермадстомо* [20, 85]. «Организовался в деревне детский отряд. Теперь Маря (Мария) и туда не побоялась вступить (букв.: записаться); <...> *Комсомолокс арсян сермадстомо* <...> [15, 21]. «<...> В комсомол думаю вступить (букв.: записаться) <...>»; *поставить на довольствие: – Продуктат эзь максне тетъ? – Мон евтывн. – Ванька! Сермадт ялгантень киши* [20, 59]. «– Продукты тебе не выдавали? – Я сказал. – Ванька! Поставь товарища на довольствие (букв.: напиши товарищу хлеба)».

Однако значения, заключенные в тексте, не всегда передаются только вербальными средствами. Для этого существуют и средства невербальные. Это может быть порядок слов, соположение частей, для акцентирования значений – средства выделения (курсив, подчеркивание, разрядка и др.). Пунктуационные знаки, фонетико-графические средства языка также могут оказывать действие на читателя. В рамках более сложных компонентов таких невербализованных значений может оказаться значительно больше. Например, в диалогическом тексте вопросительные и восклицательные знаки могут замещать целые реплики. При помощи знаков препинания также изображаются паузы, заминки в речи, осуществляется резкий интонационный перелом. Тембр, интенсивность, паралингвистическое сопровождение речи очень часто изображается описательно с использованием, например, глаголов звучания: м. *ювадемс*, э. *рангомс* «кричать», м. *пешкодомс*, э. *пижнемс* «орать», м. *пеедемс*, э. *пейдемс* «смеяться», глаголов молчания: м. *каштордомс*, э. *каштмодемс* «молчать», м., э. *тошкамс* «шептать», глаголов движения: м., э. *модемс* «идти», м. *тумс*, э. *туемс* «уйти», м. *ласькомс*, э. *чиемс* «бежать», м. *мърдамс*, э. *велявтомс* «вернуться», «возвратиться» и др. Однако такое словесное изображение мимики, жестов необязательно, так как вопрос, удивление, можно передать знаками препинания (вопросительный и восклицательный знаки, многоточие). Для передачи значений в тексте служат и различные фигуры умолчания, тоже относящиеся к невербализованным средствам. С другой стороны, в тексте может быть осуществлена вербализация «немых» языков (языков жестов, мимики). Этому, в частности, служат разнообразные авторские описания соответствующих жестов и мимики в произведениях прозаических или, в большей степени, ремарки в драматургических произведениях:

Нуянза (*венсти Алешконень пель*). *Эзик стувто, кода эрзятне кишинть печксить?* «Нуянза (протягивает Алешко нож). Не забыл, как эрзяне хлеб режут?»

Алешко. *Мезенть лиянтъ, а тень уш а стувтсак. Авам меиштензэ ваксс яла киши кувине путьль. Вана сестэ соваськак киши чинесь судозон. Ды те шкас кодаяк а лиси тосто. (Никсесы керязь кочомонтъ, венстясы Нечайнень.) Васень печтеть – азоронтень. Омбоцесь (кери лия печть) – азоравантень. Колмоцесь, бути мертядо, – эстенъ. А уш вана те – тонеть, лездыцянок ды сыречинь ванстыцянок <...> Бути, нама, се видьс пачкодтяно (Венстясы*

печтень Радайнень) [6, 44]. «Что другое, а уж это не забудешь. Мать к груди все прикладывала корочку хлеба. Вот тогда и проник запах хлеба в [мой] нос. И до сих пор никак не выйдет оттуда. (Нюхает отрезанный ломоть, передает [его] Нечаю.) Первый ломоть – хозяину. Второй (режет другой ломоть) – хозяйке. Третий, если позволите, – [себе] самому. А уж вот этот – тебе, помощнику и старости [нашей] охраннику <...> Если, конечно, до этого доберемся (Протягивает ломоть Радаю)».

Так называемые «немые» языки являются полноценным средством коммуникации в реальной жизни. Однако они широко представлены в вербализованном виде и в тексте – художественном, публицистическом. При восприятии текстового описания жестов необходимо учитывать их значимость в рамках данной языковой общности. Кроме того, читатель и создатель текста могут быть разделены во времени, это также может спровоцировать неадекватность восприятия. Недоразумения могут возникнуть и при чтении текста иностранным читателем, так как «немые» языки разных народов могут существенно различаться. Например, кивок в знак согласия в странах арабского мира воспринимается как проявление невоспитанности, если относится к незнакомому человеку или старшему по возрасту, тот же кивок в знак согласия болгарами воспринимается как отрицательный жест и т. д.

Можно назвать и такой способ передачи значений в тексте, как вторжение в единообразно организованное пространство элементов других текстов, «текстов в тексте». Это могут быть прямые включения – эпиграфы, цитаты, ссылки. Могут быть пересказы-вставки иных сюжетов, обращения к легендам, «чужим» рассказам и др.

Таким образом, языковая цельность, служащая специфическим способом реализации связности текста, позволяет обеспечивать связь между его частями, подготовиться к последующей информации, возвратиться адресата к предыдущему, напомнить ему о сказанном ранее.

Литература

1. Абрамов К. Г. Эрзянь цера: роман. Книга 1. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. 330 с. Мордов.-эрзя яз.
2. Арапов А. Вармась арсемам ракасы : стих // Сятко. 2009. № 11. С. 73.
3. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 2005. 266 с.
4. Батков Г. И. Контекст как средство расширения значения слова // Материалы 2-ой Всерос. научн. конф. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки), 2–5 февраля 2000 г. Саранск, 2000. С. 60–61.
5. Брыжинский М. Круиз : приключениянь-фантастикань повесть // Сятко. 2009. № 2. С. 57–62. Мордов.-эрзя яз.
6. Брыжинский В. Каргонь Кинь ломанть: драматической евтамосо сага. Васенце евтамось. Эрзясть-аштеть дигат-локсейть // Сятко. 2011. № 5. С. 40–57. Мордов.-эрзя яз.
7. Виард В. Кафта пильгса сохатай : повесть // Мокша. 2010. № 10. С. 76–102. Мордов.-мокша яз.
8. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.
9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 3. М., 2009. 352 с.
10. Кириллов П. С. Кочказь произведеният. Саранск, 1958. 232 с. Мордов.-эрзя яз.
11. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. изд. 2-е, стереотип. М., 2007. 176 с.
12. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М, 1979. С. 49–67.
13. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979. С. 30–37.
14. Пленкин Н. А. Обучение школьников правилам построения текста // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 50–58.
15. Раптанов Т. А. Кочказь произведеният. Саранск, 1948. 272 с. Мордов.-эрзя яз.
16. Тикшайкин А. Пичай: фантастикань повесть // Сятко. 1996. № 12. С. 4–21. Мордов.-эрзя яз.
17. Трemasкин А. Озонды ломань: азкс // Мокша 2010. № 4. С. 127–129. Мордов.-мокша яз.
18. Тяпаев А. Тяштю менельть ала: повесть // Мокша. 2010. № 10. С. 17–37. Мордов.-мокша яз.
19. Ушаков Г. А. Научные основы методики развития связной речи учащихся при изучении морфологии удмуртского языка : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 439 с.
20. Чесноков Ф. М. Од эрямонь увт: евтнемат ды пьесат. Саранск, 1974. 331 с. Мордов.-эрзя яз.

References

1. Abramov K. G. Jerzjan' cera: roman. Kniga 1. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1971. 330 s. Mordov.-jerzja jaz.
2. Arapov A. Varmas' arsemam rakasy : stih. // Sjatko. 2009. № 11. S. 73.
3. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. M., 2005. 266 s.
4. Batkov G. I. Kontekst kak sredstvo rasshirenija znachenija slova // Materialy 2-oj Vseros. nauchn. konf. finno-ugrovedov «Finno-ugristika na poroge III tysjacheletija» (filo-logicheskie nauki), 2–5 fevralja 2000 g. Saransk, 2000. S. 60–61.
5. Bryzhinskij M. Kruiz: prikljuchenijan'-fantastikan' povest' // Sjatko. 2009. № 2. S. 57–62. Mordov.-jerzja jaz.
6. Bryzhinskij V. Kargon' Kin' lomant': dramatičeskoj evtamoso saga. Vasence evta-mos'. Jerjast'-ashtest' digat-loksejt' // Sjatko. 2011. № 5. S. 40–57. Mordov.-jerzja jaz.
7. Viard V. Kafta pil'gsa sohataj : povest' // Moksha. 2010. № 10. S. 76–102. Mordov.-moksha jaz.
8. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. M., 1982. 368 s.
9. Zolotova G. A. Očerki funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka. Izd. 3. M., 2009. 352 s.
10. Kirillov P. S. Kochkaz' proizvedenijat. Saransk, 1958. 232 s. Mordov.-jerzja jaz.
11. Kolshanskij G. V. Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka. Izd. 2-e, stereo-tip. M., 2007. 176 s.
12. Kozhevnikova K. Ob aspektah svjaznosti v tekste kak celom // Sintaksis teksta. M, 1979. S. 49–67.
13. Leont'ev A. A. Vyskazyvanie kak predmet lingvistiki, psiholingvistiki i teorii komunikacii // Sintaksis teksta. M., 1979. S. 30–37.
14. Plenkin N. A. Obuchenie škol'nikov pravilam postroenija teksta // Russkij jazyk v škole. 1977. № 4. S. 50–58.
15. Raptanov T. A. Kochkaz' proizvedenijat. Saransk, 1948. 272 s. Mordov.-jerzja jaz.
16. Tikshajkin A. Pichaj: fantastikan' povest' // Sjatko. 1996. № 12. S. 4–21. Mordov.-jerzja jaz.
17. Tremaskin A. Ozondy loman': azks // Moksha 2010. № 4. S. 127–129. Mordov.-moksha jaz.
18. Tjapaev A. Tjashtju menel't' ala: povest' // Moksha. 2010. № 10. S. 17–37. Mordov.-moksha jaz.
19. Ushakov G. A. Nauchnye osnovy metodiki razvitija svjaznoj reči uchawihsja pri izučenii morfologii udmurtskogo jazyka : dis. ... d-ra. filol. nauk. M., 1991. 439 s.
20. Chesnokov F. M. Od jerjamon' uvt: evtneemat dy p'esat. Saransk, 1974. 331 s. Mordov.-jerzja jaz.